

ОБ ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ БУРЯТСКИХ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ

Как известно, проблема общности тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков до сих пор остается нерешенной. Общеизвестно, что причиной этому служит некоторое несовершенство методики и общего подхода к этому вопросу. Ни для кого не является теперь секретом, что исследование лексики алтайских языков в сравнительном плане необходимо расширять с тем, чтобы, выявив заимствования, более четко определить пласт собственноалтайской общей лексики. Эту мысль высказывал Г. Д. Санжеев еще 15 лет тому назад: "По нашему мнению, дальнейшее продвижение вперед сравнительно-исторической алтаистики возможно лишь в случае, если известные достижения первых ее опытов в области фонетики и отчасти морфологии будут дополнены исследованиями, во-первых, по исторической грамматике и диалектологии отдельных алтайских языков и, во-вторых, по лексикологии и этимологии. Особенно были бы важными для алтаистики также сравнительно-исторические и этимологические изыскания, в результате которых оказалось бы вполне возможным ясно определить, что же представляют собой алтайские языки в лексическом отношении, что же в их лексике относится к исконному общеалтайскому достоянию, т. е. восходит к словарному составу предполагаемого алтайского праязыка, и что же из лексически их ныне объединяющего необходимо признать ранними или позднейшими заимствованиями как из одних алтайских в другие, так и из прочих, неалтайских языков в Евразии"¹.

В этой связи весьма актуальным становится выявление заимствований и в бурятском языке, который, являясь одним из алтайских языков, складывался и развивался в непосредственном соседстве и контактах с тюркскими и тунгусо-маньчжурскими языками. Большой

¹ Г. Д. Санжеев. Б. Я. Владимирцов — исследователь монгольских языков. — "Филология и история монгольских народов. Памяти академика Б. Я. Владимирцова". М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 26.

интерес в этом плане представляют диалекты бурятского языка, особенно те из них, которые находятся в зоне непосредственных контактов с указанными языками. Ранее нами уже предпринимались попытки выявить иноязычные, главным образом тюркские, заимствования в бурятском литературном языке и его диалектах¹. Мы продолжаем эти изыскания и даем этимологию ряду диалектных бурятских слов.

Архан отмечается в словаре К. М. Черемисова² как слово, быту-

¹ См.: В. И. Рассадина. О тюркизмах в бурятском языке. - "К изучению бурятского языка". Улан-Удэ, 1969, стр. 129-134; его же. Тюркизмы в халха-монгольском языке. - "Мат-лы по истории и филологии Центральной Азии", вып. 5. Улан-Удэ, 1970, стр. 52-58.

² Сравнительные материалы по языкам взяты из следующих источников: К. М. Черемисов. Бурят-монгольско-русский словарь. М., 1951; А. Лувсандэндэв. Монгольско-русский словарь. М., 1957; Я. Цэвэл. Монгол хэлний товч тайлбар толь. Улаанбаатар, 1966; F. Lessing. Mongolian-English Dictionary. London, 1960; Antoine Mostaerte. Dictionnaire Ordos. T. 1-11. Peking, 1941-1942; G. I. Ramstedt. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935; "Русско-калмыцкий словарь". Под ред. И. К. Ильичкина. М., 1964; О. Ковалева-Сквирская. Монгольско-русско-французский словарь, т. I-III. Казань, 1844-1849; Н. Н. Поппе. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб, I-II. ("Тр. Ин-та востоковедения", XIV). М.-Л., 1938; Erich Haenisch. Wörterbuch zu Mongol in Niuca Tobca'an (Yuan-ch'ao pi-shi) Geheime Geschichte der Mongolen. Wiesbaden, 1962; "Dagurisches Wörterverzeichnis". Nach F. V. Muromskis handschriftlichen Sprachaufzeichnungen bearbeitet und herausgegeben von Stanislaw Kaluzynski. - "Rocznik Orientalistyczny", т. XXXIII, S. 1-2; "Древнетюркский словарь". М., 1969; В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I-IV. СПб., 1893-1911; Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I-II. СПб., 1859-1871; Х. А. Азизбеков. Азербайджанско-русский словарь. Баку, 1965; "Туркменско-русский словарь". М., 1968; Д. А. Магазаник. Турецко-русский словарь. М., 1945; Н. А. Баскаков. В. М. Насилов. Уйгурско-русский словарь. М., 1939; "Уйгурско-русский словарь". Под ред. Ш. Кибирова и Ю. Цунвазо. Алма-Ата, 1961; Э. Н. Наджип. Уйгурско-русский словарь. М., 1968; С. Е. Малов. Уйгурский язык. Хамийское наречие. Тексты, переводы, словарь. М., 1954; его же. Уйгурские наречия Синьцзяна. Тексты, переводы, словарь. М., 1961; его же. Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика. Алма-Ата, 1957; его же. Лобнорский язык. Тексты, переводы, словарь. Фрунзе, 1956; К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965; Х. Махмудов, Г. Мусабоев. Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1954; "Каракалпакско-русский словарь". М., 1958; "Кумыкско-русский словарь". М., 1963; "Башкирско-русский словарь". М., 1958; "Татарско-русский словарь". М., 1966; Д. Г. Тумашева. Язык татар Западной Сибири. Грамматический очерк и словарь. (На татарском языке). Казань, 1961; Н. А. Баскаков, Т. М. Тошакоева. Ойротско-русский словарь. М., 1947; Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул. Хакасско-русский словарь. М., 1953; "Русско-шорский словарь". Новосибирск, 1940; "Тувинско-русский словарь". М., 1968; Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка, т. I-III. Фотомеханическое изд. 1959; "Якутско-русский словарь". Под ред. П. А. Слепцова. М., 1972. По чулымско-тюркскому языку использована картотека А. П. Дульзона; по тофаларскому языку - собственные полевые записи.

ющее в кабанском говоре в значении "самец нерпы". В литературном бурятском языке встречается сочетание архан хулэг (рысак, аргамак). В других монгольских языках параллелей к слову архан нами не обнаружено. Нам кажется, его вполне можно сопоставить с др.-тюрк. arqan (скакун, помесь дикого жеребца с домашней кобылой), кирг. аргуи (юж.), аргын (помесь яка и домашней коровы; перен. гибрид, метис), уйг. аргуи (помесь яка с коровой; метис — о рогатом скоте), уйг. (кучарск.) аргий (жеребец). Второй компонент сочетания архан хулэг тоже имеет тюркское происхождение: ср. др.-тюрк. külüg (известный, славный, знаменитый) от слова kü (слава, известность). Оно употреблялось как эпитет в составе кличек коней, поэтому вполне возможно в древнетюркском языке сочетание arqan külüg, для характеристики быстроходных качеств породистого коня. В киргизском языке слово күлук стало обозначать "скакун, скаковая лошадь". Предки бурят могли заимствовать у древних тюрков как само сочетание arqan külüg, так и его компоненты в отдельности также для называния породистого скакуна. Прибайкальские буряты, занимающиеся охотой на нерпу, могли перенести слово архан на самца нерпы, возможно использовав его как эвфемизм.

Балшаг (грязь, тина; лужа) К. М. Черемисов считает западнобурятским словом, не конкретизируя говоры. Это слово встречается в халха-монгольском языке — балчиг (болото, трясина), калмыцком — балчг (грязь, ил), ордосском — в сочетании шалчик балчик (ил, жидкая грязь), в дагурском — балчирта, балчиртэ (грязный), отмечено оно у Ф. Лессинга — балчиг (болото, топь, трясина, грязь, слякоть; глина, ил, тина) и у О. Ковалевского — balsiy (грязь, болото, тина). В памятниках средневекового монгольского языка оно не встречается. В то же время широко употребляется в древнем, средневековых и современных тюркских языках. Например: др.-тюрк. балчык балык (ил и грязь), чагат. балчык (глина; грязь), аз. палчыг (грязь, слякоть), туркм. палчык (глина; грязь, слякоть), тур. балчык (грязь; глина), хак. (саг.) палчах, кумык. балчыкъ, (жидкая грязь), шор. палчак, чул.-тюрк. палчык (грязь), ног. балшыкъ, башк. балсык, тат. балчык (глина; земля), к.-калп. балшык, кирг. балчык, уйг. балчук (глина; жидкая грязь), узб. балчик (жирная, глинистая грязь; ил). В якутском, тувинском и тофаларском языках, с которыми непосредственно граничит язык западных бурят, этого слова нет. В них представлен фонетически видоизмененный вариант — тув. балгаш, тоф. бальаш, который имеется в алтайском — балкаш, хакасском — палгас, языках. Г. Рамстедт сравни-

вал калмыцкое балгг¹ с турецким balıç, М. Ряснев² считает слово balıç собственнотурецким и возводит к нему старомонгольское balıy. Нам также представляется, что в бурятском и других монгольских языках это слово — древнее турецкое заимствование.

Буртан (сало в нижней части брюшной полости животных) дается К. М. Черемисовым как боханское и тункинское слово. Параллели к нему в монгольских языках мы не обнаружили. Из турецких языков оно имеется в киргизском — бурта (складки стенок коровьего желудка, покрывающиеся жиром), якутском — бырта (пах животного; паховый жир животного) и тофаларском — буртан (жир на шее и плечах животного). При этом як. бырта и кирг. бурта представляют собой почти одинаковую фонетическую форму, а тоф. буртан идентично бурятскому и, возможно, даже заимствовано тофаларами у бурят. Буряты же, видимо, взяли это слово в древности у киргизов или тюркоязычных предков якутов, когда те и другие еще обитали в районе Саян и Прибайкалья. Появление конечного -н в бурятском слове можно объяснить тем, что в монгольских языках именные основы стремятся иметь конечное -н.

Буртэг (мусор, сор; сорный, пыльный, в пыли) дается К. М. Черемисовым как диалектное слово без указания на диалект. В литературном языке есть соответствующее твердорядное слово буртаг со значением "нечистый, грязный; грязь, нечистоты", имеющее также значение "чаща; валежник, бурелом (поросший лесом)". В других монгольских языках встречается лишь твердорядный вариант: старомонг. burtay (нечистоты, грязь, неопрятность), Мук. burtag (нечистый, грязный), х.-монг. буртаг, калм. буртг (грязь, нечистоты; нечистый, грязный), орд. burtak (грязь, сор, нечистоты). Г. Рамstedт сопоставляет калм. буртг с алт. и телеут. рурт- и уйг. бурт- (стать черным, грязным). В некоторых турецких языках также встречается твердорядный вариант этого слова: тув. быртак (сорняк), як. быртах, хак. пыртах (нечистый, поганный, скверный, грязный). М. Ряснев³ считает эти турецкие слова монгольским заимствованием. Мягкорядный же вариант буртэг, зафиксированный в бурятских диалектах, нам представляется возможным сравнить с кирг. буртук (комочек; зерно), башк. бөртөк (крупинка, крупица), тат. бөртөк (крупинка, крупица; крошка, кроха; зерно, зернышко), як. бурдук (хлеб, зерно; мука), ног. буъртик, кумык. бьртюк (зерно, зернышко; крошка, крупица, крупинка), каз. бір буртiк шаш (одна

¹ См.: G. I. R a m s t e d t. Kalmukisches Wörterbuch, S. 32.

² См.: Martti R ä s ä n e n. Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Turksprachen. Helsinki, 1969, S. 69.

³ См.: M. R ä s ä n e n. Указ. соч., стр. 74 б.

волосинка). Семантика, наряду со звуковым обликом, также позволяет сделать такое сопоставление. К бурятам это слово могло попасть либо от древних киргизов, либо от тюркоязычных предков якутов.

Бэлыгуу в сочетании бэлыгуу нүдэн (всевидящие глаза) употребляется в хоринском диалекте. Ц. Б. Цыдендамбаев считает это слово книжно-экспрессивным с возвышенной эмоциональной окраской и включает в состав поэтических слов и выражений¹. На наш взгляд, это слово тюркского происхождения и, возможно, образовано от общетюркского глагола бил- (знать, ведать) или бэд- (выявлять), как и слово бэлыгэн (вещий – эпитет коня в фольклоре)². Ср. также др.-тюрк. *bilgā* (мудрый, мудрец), чагат. *bilgū* (мудрость). От этого же корня бил- происходит бурятское слово бэлиг (мудрость, ум, разум; знание; способность, дарование), ср. др.-тюрк. *bilig*, (знание; разум, ум). В других же монгольских языках параллели имеет лишь слово бэлиг: х.-монг. *билиг*, калм. *билг*, джарут. *bilig*, орд. *bilik*, старомонг. *bilig*. Мук. *bilik* (ум, разум, мудрость). Как видно, бурятский язык в данном случае получил от тюрк. большее количество слов, производных от этого общетюркского корня.

Зумара, зумари (суслик) употребляется в западных бурятских говорах. В литературном бурятском языке и восточных говорах обычно принята форма зумбараа(н), зумбара с тем же значением. Это слово представлено и в других монгольских языках. Так, у О. Ковалевского находим *juraman*, *jurama* (крот), у Ф. Лессинга дана старописьменная форма *jurum*, *jurama* (суслик), в ордосском – *dzurta*, халха-монгольском – *зурам*, калмыцком – *зурм* (суслик), у Э. Хэйниша в синомонгольском словаре XIX века дано *juruman* (сурок)³, что ближе к бурятской форме. Это слово распространено и в тюркских языках: чагат., по Л. З. Будагову, *юмран* (крот), чагат., по Замахшари⁴, *ушган* (суслик), башк. *юмран*, тат. *юмран*, чув. *йамран*, узб. *юмрон*, *юмронкозик*, уйг. *йумран* (суслик), як. *дыбара*, *дыбарааскы* (еврашка – вид суслика). Бурятская, особенно западная, форма по произношению стоит ближе к тюркской. Восточная бурятская форма зумбараа(н) характеризуется наличием о после м. Видимо, здесь произошел процесс такого же типа, что и в старомон-

¹ См.: Ц. Б. Цыдендамбаев. О стилистической дифференциации лексики бурятского языка. – "Вопросы литературного бурятского языка". Улач-Удэ, 1963, стр. 8.

² См.: В. И. Рассадина. О тюркизмах в бурятском языке, стр. 131–132.

³ См.: Erich Haenisch. Sinomongolische Glossare. I. Das Hua-l ih-yu. Berlin, 1957, S. 13.

⁴ См.: Н. Н. Поппе. Указ. соч., стр. 408.

гольском слове уашвар (какой), ср. соврем. бур. ямар, х.-монг. ямар, калм. ямаран (какой), Мук. уагар (как). Слово йумран (суслик) в тюркских языках, нам кажется, происходит от слова йумры (круглый, шаровидный), имеющегося почти во всех тюркских языках, например: аз. јумру, каз. жумыр, кирг. жумур, жумуру, к.-калп. жумыр, жумыры, башк. йоморо, тат. йомры (круглый, шаровидный), тур. юмру (бугорок, шишка), туркм. юмры (округлая выпуклость). С ним связаны этимологически также туркм. юмрук, тур. юмрук, ног. юмрынкъ (кулак), башк. йоморса (шарик, катышек), а также слово юмуртка (яйцо), имеющее общетюркское распространение и различные соответствующие фонетические варианты, одним из которых является др.-тюрк. јумуртуа. Ф. Г. Исхаков, например, так этимологизировал слово йумрук (кулак): "... азерб. юмруг, кумык. юмурук, ног. юмырык, тур. юмрук, туркм. юмрук "кулак"... исторически образованы от корня йум- "закрывать, зажимать" (по-видимому, через ступень йумру || йумуру || ... "круглый")"¹. Предположение Ф. Г. Исхакова нам кажется вполне приемлемым, так как корень йум- (закрывать, зажимать, зажимуривать) имеет общетюркское распространение². Нам только представляется, что круг слов, производных от этого корня, в который входят также др.-тюрк. јумуаг, уйг. йумулак (круглый), команск. јумуалаг (шар) и другие возводимые М. Рясняном к тому же корню йум- слова³, можно расширить включением в него слов йумран (суслик) – вид сидящего суслика ассоциируется с шариком, круглым комочком – и йумуртка (яйцо).

Саажа употребляется в баргузинском говоре в значении "коса" (о волосах)⁴. Исследователь эхирит-булагатского говора Б. В. Матхеев отмечает, что "слово саажа (коса) встречается в фольклоре, главным образом в песнях; в литературном языке и восточных говорах оно отсутствует"⁵. В словаре К. М. Черемисова саажа (коса – о волосах) дается как западное слово. Наряду с этим у него приведен также вариант шаажа в том же значении тоже как западное слово. В других монгольских языках параллелей к этому слову не обнаружено. Нам представляется возможным сопоставить слово саажа и его вариант шаажа с тюркскими словами: др.-тюрк. сач, алт. чач, уйг. чач,

¹ Ф. Г. Исхаков. Опыт сравнительного словаря современных тюркских языков. – "Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков", ч. IV. Лексика. М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 20.

² См.: М. Р а с а н е н. Указ. соч., стр. 210.

³ Там же.

⁴ См.: Э. Р. Раднаев. Баргузинский говор. – "Исследования бурятских говоров", вып. I. Улан-Удэ, 1965, стр. 86.

⁵ Б. В. Матхеев. Очерки эхирит-булагатского говора. – "Исследование бурятских говоров", вып. 2. Улан-Удэ, 1968, стр. 24.

сач, узб. соч, (разг.) чоч, кирг. чач, как. чач, сас, чул.-тюрк. цац, зап.-сиб. тат. цац, шор. шаш, тоф. чеш, к.-калп. шаш, ног. шаш, каз. шаш, лобн, чач, тат. чеч, башк. сас, яг. ас, тур. сач (волосы на голове человека). Кроме того, аз. сач, кум. чач, туркм. сач наряду со значением "волосы" имеют еще значение "женская коса", а в тувинском языке чаьш означает "коса - девичья, женская". Таким образом, семантика этого тюркского слова ничуть не препятствует возведению к нему бурятских саажа, шаажа (коса - о волосах). Фонетические варианты в тюркских языках также довольно разнообразны. Конечный гласный а в этом бурятском слове можно объяснить тем, что оно заимствовалось из живой речи, где в тюркских языках слово обычно бытует не в чистой форме именительного падежа единственного числа, а в форме личной принадлежности. В данном случае для бурятских саажа, шаажа прототипом могла послужить форма принадлежности 3-го лица единственного числа, показателем которой является аффикс -ы (у мягкорядных основ -и), присоединяемый к основам, оканчивающимся на согласный звук. Так, "его (ее) волосы" в тюркских языках будет звучать как сачы, чачы, шашы, сазы и т. п. Вызывает интерес появление звонкого ж в бурятских саажа, шаажа, появление которого, видимо, объясняется тем, что это слово буряты взяли у сибирских тюрков, для которых как раз и характерно озвончение всех слабых глухих согласных в интервокальном положении. В сибирских тюркских языках это слово звучит, например, так: шор. шажы, саг. сазы (его, ее волосы), тув. чаьжи (ее коса). Возникновение долготы у гласного а в бурятском языке здесь можно объяснить теми же причинами, обусловившими появление долгого е в западнобурятском слове теерсаг (крынка), восходящем к тюркскому слову торсук (бурдюк, сосуд для хранения жидкости), о котором нами уже было ранее сказано¹. Причина в том, что в тюркских языках широкие краткие гласные, попав при аффиксации в положение перед узким гласным, стремятся удлиниться и произносятся с полудолготой, а иногда даже и с долготой. Причем это явление наиболее отчетливо заметно опять-таки в сибирских тюркских языках². Таким образом, можно предположить, что предки современных западных бурят могли взять это слово у каких-то сибирских тюрков, при этом наличие бурятских фонетических вариантов саажа и шаажа гово-

¹ См.: В. И. Р а с с а д и н. Тюркизмы в халха-монгольском языке, стр. 54.

² См.: М. И. Б о р г о я к о в. Об образовании и развитии некоторых долгих гласных в хакасском языке. - "Учен. зап. Хакасского ГИИЛИ", вып. XII. Абакан, 1966, стр. 82; В. И. Р а с с а д и н. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, стр. 20.

рит о том, что источником их послужили разные тюркские языки, типично шорского и сагайского.

В западных бурятских говорах от слов саажа и шаажа (коса — о волосах) образованы путем добавления аффикса —тай новые слова: эх.—бул. сааштай в значении "девушка, девица, барышня"¹, а также шаастай (возможно, метатеза от сааштай) — по К. М. Черемисову, как (зап.) "девушка, девица", (эхир.) "вышедшая замуж старшая сестра", (ал.) "сестра". В говорах имеется также слово шааштай (девушка, букв. имеющая косу).

В самих тюркских языках слово сач, чач, шаш, сас (волосы на голове человека), нам кажется, связано своим происхождением с тюркским же глаголом сач—, чач—, шаш—, сас— (рассыпать; разбрасывать, рассеивать, раскидывать). Возможно, оно возникло как эфемизм для обозначения волос на голове человека, тогда как слово tū, tūg уже в древнетюркском языке стало обозначать "волосы на теле человека; шерсть, перья".

Салма в значении "аркан" К. М. Черемисов определяет как тункинское слово. В литературном языке и других бурятских говорах оно отсутствует. В других монгольских языках ему соответствуют: старомонг. *sałm-a*, х.—монг. *цалам*, калм. *цалм*, орд. *t̡salma* (аркан, лассо). Обнаруживаются параллели и в тюркских языках: алт. *чалма* (накидная петля, аркан для ловли лошадей), кирг. *чалма* (аркан для ловли лошадей), хак. (саг.) *салба* (лычко для метания камней), тув. *шалба* (забрасывание аркана; аркан). В тюркских языках это слово, как и широко распространенное слово *чалма* (турбан, чалма) считается производным от глагола *чал—* (обматывать) + —ма (аффикс, образующий имена существительные со значением предмета или результата действия)². Глагол *чал—* широко распространен только в тюркских языках в следующих значениях, позволяющих с уверенностью возводить к нему слово *чалма* (аркан): др.—тюрк. *чал—* (ударять, бить; бросить, опрокидывать на землю, низвергать, повергать), узб. *чал—* (захлестнуть веревкой), кирг. *чал—* (ударять сильным, резким ударом; захлестывать, метать аркан; обмотать, завязать), туркм. *чал—* (ударить, хлестнуть; обматывать), тур. *чал—* (ударять, бить; бросить на землю, опрокидывать), аз. *чал—* (бить, вбивать, колотить, стучать; махать, крыльями; косить; сбивать), лобн. *чал—* (ударять, бросить), каз. *шал—* (привязать веревку, нитку в обхват). На тюркское происхождение старомонгольского *sałma*

¹ Б. В. М а т х е е в. Указ. соч., стр. 26.

² См.: М. ' R ä z ä n e n. Указ. соч., стр. 97 б. Об аффиксе см.: "Древнетюркский словарь". Л., "Наука", 1969, стр. 657 а.

(лассо) указывает и М. Ряснен¹; Г. Рамстедт также считает калмыцкое цалм (аркан, лассо) тюркским по происхождению².

Соол бытует в тункинском говоре в значении "дом"³, в боханском — то в значении "дом", то — "печь"⁴, в нижеудинском говоре — в значении "печь"⁵, в словаре К. М. Черемисова — (ал., тунк.) "изба, дом" и (ал., бох.) "печь, печка". В литературном бурятском языке, его восточных говорах и других монгольских языках это слово отсутствует. Нам удалось обнаружить к нему следующие параллели: тоф. соол (печь), хак. соол — слово устаревшее. Оно в языке качинцев обозначало печь особого устройства. Такие печи напоминали русский камин, бытовали, например, у ширинских качинцев до середины 30-х годов XX в. У сагайцев соол обозначает "избушка, землянка"⁶. В словаре В. В. Радлова находим: тоб. цуал — место огня, камин (РСл IV, 210), саг. сол — сбитая из глины стена, у которой разводят огонь в юрте (РСл IV, 548), шор. шол — глинобитная часть стены, у которой разводят огонь (РСл IV, 1030), куурдак. чуал — труба для выхода дыма (РСл III, 2164). В современном чулымско-тюркском языке находим чуал (печь)⁷, в языке турков Нижнего Чулыма — цувал (дымоход)⁸, в шорском — чубал, шаал (очаг)⁹, чубал (дымоход)¹⁰, в башкирском языке — снуал (примитивная печь вроде камина), в языке татар Западной Сибири — цуал (печь вроде камина)¹¹. Считается, что русское слово чувал (очаг с прямым дымоходом, распространенный в прошлом у многих народностей

¹ См.: М. Р а с а н е н. Указ. соч., стр. 97 б.

² См.: G. I. R a m s t e d t. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935, S. 421 a.

³ См.: Д. А. А б а ш е е в. Тункинский говор. — "Исследование бурятских говоров", вып. I. Улан-Удэ, 1965, стр. 28.

⁴ См.: М. П. Х о м о н о в. Боханский говор. — Там же, стр. 67.

⁵ См.: Г. Д. С а н ж е е в. Фонетические особенности говора нижеудинских бурят. Л., 1930, стр. 7.

⁶ Д. Ф. П а т а ч а к о в а. Некоторые наблюдения над лексикой качинского диалекта хакасского языка. — "Учен. зап. Хакасского НИИЯЛИ", вып. Уш. Абакан, 1960, стр. 94.

⁷ См.: Л. П. П о т а п о в. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, стр. 172.

⁸ По картотеке А. И. Дульзона.

⁹ См.: Н. П. Д ы р е н к о в а. Грамматика шорского языка М.-Л., 1941.

¹⁰ См.: Г. Ф. Б а б у ш к и н. Орфография шорского литературного языка. Новосибирск, 1940.

¹¹ См.: Д. Г. Т у м а ш е в а. Язык западносибирских татар. Грамматический очерк и словарь. (На татар. яз.). Казань, 1961, стр. 220.

Севера, служивший преимущественно для приготовления пищи) заимствовано из тюркских языков¹.

Кроме того, нами обнаружены параллели к этому слову и в других языках народов Сибири. Так, по свидетельству этнографов, кеты обогревали свои жилые землянки при помощи специального очага-чувала, устроенного из жердей, обмазанных глиной, который назывался по-кетски сонгаль, соголь². У селькупов также бытовал очаг-чувал, сделанный из жердей, обмазанных глиной, и называвшийся шенгаль³. У угров (ханты, манси) также отмечается наличие очага-чувала аналогичного устройства с вариантами произношения: шоувал, шоуэл, шонхал, шогал, шовол⁴, чогал ~ човал⁵. Таким образом, как видно из приведенного материала, ареал распространения этого слова довольно широк и включает наряду с тюркскими языками Сибири также угорские, самодийские и кетский языки. Если учесть, что угорские, самодийские и кетские племена являются аборигенными в Сибири и тип жилища с очагом-чувалом характерен для их материальной культуры, а турки считаются позднейшими пришельцами в Сибири, причем зачастую тюркский язык распространялся в результате лишь языковой ассимиляции с сохранением на местах традиционной материальной культуры ассимилированных угорских, самодийских и кетских племен, то становится вероятным предположение, что название очага-чувала попало в тюркские языки Сибири от аборигенного населения нетюркского происхождения. При этом в тюркских языках в начале этого слова наблюдается чередование ш || с || ч || ц, что согласуется вообще с характером соответствий указанных согласных и в собственно-тюркских словах. Наиболее близкой фонетически формой бурятского слова соол является хакасское соол, которое и явилось, по-видимому, прототипом бурятского слова. Семантика хакасского соол (печь; избушка) также совпадает с семантикой бурятского соол (печь; изба, дом). К западным бурятам слово пришло, видимо, от каких-то племен типа хакасских качинцев и сагайцев, у которых с обычно появляется на месте ч и ш других тюркских языков. Тофаларское соол

¹ См.: "Словарь русского языка". В 4-х томах. Т. IV. М., ГИС, 1961, стр. 940 б.

² См.: Е. А. А л е к с е е н к о. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., "Наука", 1967, стр. 96.

³ См.: "Народы Сибири. Этнографические очерки". М.-Л., 1956, стр. 673.

⁴ См.: З. П. С о к о л о в а. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров. - "Сибирский этнографический сборник", т. У. М., "Наука", 1962, стр. 213.

⁵ См.: "Народы Сибири. Этнографические очерки", стр. 584.

(печь) считается заимствованием из языка нижеудинских бурят¹.

Тура К. М. Черемисов определяет как западное слово в значении "изба, дом; здание; горбд". В сартульском говоре "известно слово тура в знач. город. В аларском и эхирит-булагатском говорах это слово употребляется именно в этом значении"². Б. В. Матхеев приводит употребительное для эхирит-булагатского говора слово тура в значении "изба, дом, здание; город"³. В качугском говоре тура означает "город"⁴. В боханском говоре также имеется слово тур (изба), которое М. П. Хомоновым считается собственно бурятским словом неизвестного происхождения⁵.

В восточных говорах и литературном бурятском языке слово тура не отмечено. Из других монгольских языков оно встречается в халха-монгольском - тур (цитадель, городок), ордосском - tura в сочетании вае tura - монгольское название города Chen mou bien (Chensi), у Лессинга - tur-a (крепость; город), у О. Ковалевского - tur-a (крепость, цитадель).

Нам кажется, это слово имеет тюркское происхождение. Оно образовано от общетюркского корня тур- (стоять; жить; находиться; останавливаться) и известно во многих тюркских языках, например: др.-тюрк. tura (укрепленное жилище, крепость), туркм. дура (охотн. яма для укрытия - устанавливается на берегах для охоты на дичь), зап.-сиб. тат. тора, шор. тура, чул.-тюрк. тура (город), алт. тура, хак. тура (дом, изба; город), лобн. тура (стоянка). М. Ряснян также считает тюркское tura производным от глагола tur-, а монгольское tur-a (крепость, цитадель) - заимствованным из тюркских языков⁶. Семантика зап.-бур. тура (дом, изба; город) совпадает с алт. и хак. тура (дом, изба; город), что позволяет предполагать заимствование этого слова, как и соол, из хакасского языка.

Улхэн (стель) в словаре К. М. Черемисова дается как боханское и унгинское слово. Параллелей в нему в других бурятских диалектах и монгольских языках нами не обнаружено, за исключением олке у О. Ковалевского в значении "южная сторона". Возможно, что оно

¹ См.: В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка, стр. 118, 228.

² И. Д. Бураев. Сартульский говор. - "Исследование бурятских говоров", вып. I. Улан-Удэ, 1965, стр. 145-146.

³ Б. В. Матхеев. Указ. соч., стр. 33.

⁴ А. Г. Митрошкина. Говор качугских (верхоленских) бурят. - "Исследование бурятских говоров", вып. 2. Улан-Удэ, 1968, стр. 66.

⁵ См.: М. П. Хомонов. Указ. соч., стр. 64.

⁶ См.: М. Рязанен. Указ. соч., стр. 500 б.

тюркского происхождения. Ср. др.-тюрк. *ülkä* - (область), чагат. (по Л. З. Будагову) *ölkä* - страна, край, отечество, провинция, владение; государство, империя, царство, кирг. *өлкө* - край, страна; местность; теплое, заветренное место, удобное для скота, каз. *өлке* - край (территория), к.-калп. *үлке* - край (местность), уйг. *өлкә* - страна, край, провинция, местность, туркм. *үлке* - край (область, местность), тур. *үлке* - страна, край; провинция; царство, государство, держава, тат. *өлкә*, башк. *өлкә* - область, кум. *уьлке* - страна. Отсутствие этого слова у хакасов, тувинцев, шорцев, алтайцев, тофаларов, якутов, то есть у непосредственных соседей бурят, позволяет предположить, что буряты заимствовали его у тюрков еще в древнее время. На это же указывает и полная адаптация этого слова в бурятском языке, выразившаяся, как и в случае со словом буртан, в добавлении к основе конечного **н**.

Үрмэгэ (половик) К. М. Черемисов приводит как боханское слово, у эхиритов нам приходилось слышать слово *үрмэг* в значении "холст". В других монгольских языках ему соответствуют старомонг. *örmüge*, *erümige* (шерстяная ткань; грубое сукно), у Ибн-Муханны *örmege* (верхняя одежда)¹, х.-монг. *өрмөг* (рогожа), у Лессинга *өрмөг* (грубая ткань из верблюжьей или овечьей шерсти; циновка, рогожа), орд. *örmögö* (грубая ткань из шерсти или волоса), калм. *өрмг* (вид жилета или грубой крестьянской куртки; соврем. шинель). К этому слову обнаруживаются весьма широкие тюркские параллели: др.-тюрк. *örmäk* (название одежды), чагат. *örmäk* (материя из верблюжьей шерсти; паутина), каз. *өрмек* (совокупность казахского примитивного ткацкого станка с пряжей), кирг. *өрмек* (киргизский ткацкий станок - горизонтальный), к.-калп. *өрмекши* (устар. ткач; паук), алт. *өрмек* (армяк), зап.-сиб. тат. *үрмәк* (циновка из камыша; палас, половик), як. *өрбөх* (трипка, трипища), чул.-тюрк. *өрбөк* (сукно из черной шерсти; зипун). В основе этого слова в тюркских языках лежит глагол *өр-*, который во всех тюркских языках, древних и современных, означает "плести, заплетать; ткать". И хотя в монгольских языках обнаруживаются глагольные корни, могущие быть поставленными в этимологическую связь с тюркским корнем *өр-* (плести; ткать), такие, например, как старомонг. *örü-*, х.-монг. *өр-*, калм. *өр-* (выстраивать в ряд, раскладывать в определенном порядке). Мук. *öre-* (заплетать), старомонг. *gürü-*, х.-монг. *гүр-*, калм. *гүр-*, бур. *гүрэ-* (плести, заплетать, сплести), фонетико-морфологическая структура и семантика заставляют считать слово *өрмек* тюркским по происхождению, так как *-мак* - характерный тюркский словообразовательный аффикс, образующий от глаголов имена

¹ См.: Н. Н. П о п п е. Указ. соч., стр. 443 б.

существительные¹, и глагол ер- в значении "ткать" имеется лишь в турецких языках. М. Ряснен также считает ермек турецким словом, образованным от корня *(h)öğ- (плети, ткать), а монгольское örtüge и русское армяк — турецкими заимствованиями². Калмыцкое ермг Г. Рамстедт тоже возводит к турецкому глаголу ер- (ткать)³.

Хии (сухой размельченный навоз, используемый зимой для подстилки скоту в хлевах; пыль) приводится К. М. Черемисовым как западное слово. В литературном языке и восточных бурятских диалектах ему соответствует слово хохир. В говоре оронских хамниган также обнаруживается слово кий (навоз для подстилки), считающееся для говора турецким заимствованием⁴. В других монгольских языках параллелей к этому слову нами не обнаружено. В то же время в турецких языках ему соответствуют др.-тюрк. қу (навоз), як. кии (сухой навоз, кизяк), каз. кый, ног. кий (кизяк из овечьего помета), к.-калп. кии (сухой помет), кирг. кык, (южн.) кый (овечий помет; навоз), кум. кый (утопанный навоз — в загонах и местах стоянки овец и других животных; употребляется как топливо), тур. кыу (овечий помет), уйг. кюу, уйг. (Хами) кюу (навоз), уйг. (Хотан) кюу, кык, кых (навозное удобрение). Отсутствие этого слова в соседних с бурятским тувинском, тофаларском, хакасском языках и близость бурятской звуковой формы к якутской позволяет предположить якутское происхождение этого слова в бурятском. Такого же мнения придерживается и Н. К. Антонов⁵. Но можно сделать и другое предположение: бурятское слово могло придти еще в древности из языка киргизов или уйгуров и из турецкой формы кий вполне закономерно появление и на собственно бурятской почве формы хии, так как твердорядный слог кы в истории монгольских языков превращался повсеместно в мягкорядный слог ки, давший в бурятском языке слог хи. Дифтонги же в бурятском языке стремятся превратиться в долгий монофтонг.

Хиима || шиима (вареная колбаса из рубленого мяса) отмечается в эхирит-булагатском говоре как отсутствующее в литературном бурят-

¹ См.: Э. В. Севортян. Аппиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., "Наука", 1966, стр. 303, 304.

² См.: М. Ряснен. Указ. соч., стр. 375 а.

³ См.: G. I. Ramstedt. Kalmückisches Wörterbuch, S. 300 а.

⁴ См.: Д. Г. Дамдинов. Этно-лингвистический очерк хамниганского говора. — "Исследование бурятских говоров", вып. 2. Улан-Удэ, 1968, стр. 88.

⁵ См.: Н. К. Антонов. Исследования по исторической лексике якутского языка. (Именные основы). Автореф. докт. дис. Якутск, 1973, стр. 52.

ском языке слово¹. По устному сообщению исследователя говора онойских хамниган Д. Г. Дамдинова, у них тоже бытует слово хиима (домашняя колбаса из рубленого мяса, жира, мозгов). У К. М. Черемисова слово хиимэ приводится как синоним к слову эрезлжэ – самодельная колбаса (из крови, печени и жира), к сожалению, без указания на говор. Из других монгольских языков параллели к слову хиима нами обнаружены лишь в халха-монгольском: хям – колбаса, в калмыцком: (по Г. Рамstedту) киим – что-то из желудков жвачных животных (при этом Г. Рамstedт не дает ни параллелей, ни этимологии), у Лессинга kиm-а – сырое мясо оленя или рыбы, у О. Ковалевского kиm-а – мясо или рыба, нарезанные пластинками. В тюркских языках ему соответствуют др.-тюрк. кийма в сочетании кийма угре – тесто, нарезанное мелкими кусочками, уйг. киима – фарш (измельченное мясо), узб. кийма, тур. кийма – рубленое мясо, фарш, аз. гийме – фарш (молотое мясо), кирг. кийма – срезанный наискось; южн. мясо, мелкорезанное на фарш, ног. кийма – домашняя колбаса, кум. кыйма – кусок, алт. кийма – кушанье из кишок, начиненных потрохами, хак. хийма – прямая кишка у лошади; кушанье из кишок, начиненных мелко рубленным мясом и жиром, туркм. къма – колбаса². як. (по Пекарскому) кийма – икра; кишки. Тюркологи считают это слово производным от общетюркского глагола кий- (срезать, резать наискось)³. Бурятское слово хиима, по нашему мнению, является тюркским заимствованием, из монгольских языков более всего близким к тюркскому оригиналу кийма. Как и в слове хии (сухой навоз), образование слога хи из тюркского кн вполне допустимо на почве самого бурятского языка, а дифтонг ий закономерно дал долготу в бурятском языке.

хуб в сочетании хуб халюн (выдра) приводится К. М. Черемисовым как боханское слово. Оно сопоставимо с калмыцким словом хуб (выдра), зафиксированным Г. Рамstedтом, который дал его без обычных параллелей в других языках. Нам представляется возможным сравнить компонент хуб с древнетюркским словом хуб, хув, хув (вода), повсеместно распространенным в современных тюркских языках, которое могло в свое время уточнить значение слова халюн (выдра). Употребляясь длительное время в паре с халюн, хуб потеряло первоначальную соотнесенность со словом хуб (вода) и поэтому в калмыцком языке второй компонент халюн мог попросту отпасть, а

¹ См.: Б. В. М а т х е е в. Указ. соч., стр. 32.

² См.: А. А л и е в, К. Б о р и е в. Русско-туркменский словарь. Ашхабад, 1929, стр. 119.

³ См.: М. Р а з а п е н. Указ. соч., стр. 262 а; В. В. Р а д - л о в. Опыт словаря тюркских наречий, т. II. СПб., 1899, стр. 702-703.

за первым компонентом *эв* - закреплиться общее значение "выдра".

Ээмэг (провода) дается К. М. Черемисовым как западное слово. В литературном бурятском языке и восточных говорах оно отсутствует. В других монгольских языках нами найдены к нему следующие параллели: в "Сокровенном сказании монголов" 1240 года - *e'emek* (петля, силок, кольцо, круглый), у О. Ковалевского - *egemeq*, *egemüg* (ушное колечко вместо серьги), у Лессинга - *egemeq*, *egemüg* (серьга), в халха-монгольском языке - ээмэг (серьги, сережки), в калмыцком - ээмг (круглое кольцо в серьге) (при этом Г. Рамstedт приводит тюркские параллели). Нам кажется, Г. Рамstedт был прав, сопоставляя это слово с тюркскими, в которых ему, например, соответствуют: туркм. *эгмэ* (женское головное серебряное украшение), кирг. *иймек* (серьги), хак. *эмек*, кумац. *эбек*, *эгбик*¹ (провода), як. *иэмэх* (изгиб; металлические подвески к серьгам; серьги; подвески на шаманском костюме), зап.-сиб. тат. *имэк* (ведерная дужка; рукоятка косы). В основе всех этих слов лежит ошетьюркский глагольный корень *эг-* (гнутья, сгибаться), имеющий различные производительные варианты с сохранением той же семантики: др.-тюрк. *ег-*, *ег-*, тур. *ей-*, *ий-*, туркм. *эг-*, аз. *эј-*, узб. *эг-*, уйг. *эг-*, кирг. *ий-*, к.-калп. *ий-*, ног. *ий-*, кум. *ий-*, тат. *ии-*, башк. *эй-*, хак. *эг-*, тув. *эг-*, тоф. *эг-*, як. *иэх-*. О тюркском характере словообразовательного аффикса *-мак* выше уже говорилось. От этого корня в тюркских языках существуют и другие производные слова. Ср., например, др.-тюрк. *egdü* (кривой, изогнутый нож), *egmä* (арка, свод дома), *egri* (кривой, изогнутый; кривизна), *egrin* (место, где собирается вода, водоворот), *egin*, *egnin* (плечо). В монгольских же языках слово ээмэг одиночно и его словообразовательная структура на почве монгольских языков необъяснима.

Как видно из приведенного выше материала, в бурятских говорах, главным образом в западных, сохраняется значительное количество слов, имеющих тюркское происхождение. Часть этих слов бытует, кроме бурятских говоров, и в некоторых других монгольских языках, например, балшаг, зумара, салма, тура, үрмэг, хиима, ъуб, ээмэг. При этом отдельные бурятские слова стоят ближе к тюркскому оригиналу либо в отношении семантики (тура, хиима), либо звукового оформления (зумара, хиима), что может свидетельствовать о непосредственном, независимом от других монгольских языков заимствовании этих слов предками бурят у тюрков. Кроме того, обнаруживается ряд слов, бытующих лишь в бурятских говорах: архан, буртан, бүртэг, саажа, соол, үлхэн, хии. Их наличие свидетельствует о

¹ См.: Н. А. Б а с к а к о в. Диалект кумандинцев (куманды-кижи). Грамматический очерк, тексты, переводы, словарь. М., "Наука", 1972, стр. 273 а.

давних самостоятельных связях бурят, особенно западных, с тюрками. Отдельные моменты позволяют предполагать, что этими тюрками могли быть и древние киргизы или уйгуры, и тюркские предки якутов, и более поздние сибирские тюркские племена типа хакасских.
